

УДК 001 (47) «192»
DOI: 10.17223/19988613/51/4

Н.В. Гришина

«...ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЕХАТЬСЯ И ПОДЫШАТЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ВОЗДУХОМ»: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЗАГРАНИЧНЫХ КОМАНДИРОВОК В 1920-е гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФПМУ (проект № 2016/1) и РГНФ (Проект № 16-03-00264).

Статья посвящена исследованию заграничных научных командировок в 1920-е гг. Рассматривается процесс формирования нормативной стороны выездов за границу с научной целью; анализируются анкеты-заявления претендентов на командировки, а также научные отчеты по итогам поездок; выявляются основные цели и значимые результаты командировок. Автор выделяет основные типы заграничных научных командировок. Командировки исследуются сквозь призму отношений науки и власти: поднимаются вопросы идеологического статуса поездок, отбора командируемых, контроля за содержанием поездок.

Ключевые слова: заграничные научные командировки; международное сотрудничество; научная политика; академическая мобильность.

К началу XX в. заграничные командировки с ученой целью являлись неотъемлемой частью организации науки в России [1. С. 849–887; 2]. По подсчетам специалистов количество молодых ученых российских вузов, стажировавшихся в Европе, достигало 10–15% от общего числа оставленных для подготовки к профессуре [3. С. 221]. Наряду с ними в регулярные заграничные поездки ученые отправлялись самостоятельно для продолжения научной работы, заграница была популярна и как место проведения вакационного времени. Значимость международного сотрудничества, одной из форм которого являлись обучающие и исследовательские поездки за границу, осознавалась всеми акторами науки вплоть до начала Первой мировой войны. Общепринято считать, что дальнейшие события деформировали сложившуюся систему международного научного сотрудничества.

Статья нацелена на поиск ответов на вопросы о том, насколько кардинальными оказались институциональные изменения в сфере заграничных научных командировок, как в ситуации смены государственного управления в России проходил процесс выработки правил игры в функционировании этого сегмента международного сотрудничества, наконец, какие последствия для развития отечественной науки имели прогнозируемые колебания государственного курса в вопросе заграничного командирования ученых.

На протяжении 1920-х гг. произошли существенные изменения в организации научных командировок. Вместо длительных 2–3-летних поездок стали преобладать кратковременные выезды на конкретные научные мероприятия; основными командируемыми были уже состоявшиеся ученые; дореволюционный паритет между естественниками и гуманитариями, выезжающими за границу, нарушился в пользу ученых-естественников; наконец, Германия сохранила за собой статус наиболее посещаемой страны [4. С. 65–76]. За данными

выводами просматривается стремление государства осуществлять подготовку ученых внутри страны с ориентацией на собственные научные достижения. Частично соглашаясь с подобным утверждением, подчеркну, что в 1920-е гг. вырабатываются новые подходы к организации заграничных командировок с ученой целью. В обсуждении этого вопроса, так или иначе, участвовали не только государственные деятели, но и представители академической среды.

В отчете одного из ученых, вернувшегося из зарубежной поездки в 1924 г., читаем: «Я полагаю, что <...> при скудости средств, следует молодым отдавать предпочтение над старыми преподавателями и учеными... Молодого следует посылать учиться, – не только фактам, но главным образом тому, как надо учиться, как надо “творить науку”. <...> Для успешного выполнения этой задачи требуется минимум 1 год, во всяком случае – не менее ½ года. Но зато. Не часто. Старый, опытный ученый и преподаватель нуждается для успешного ведения своего дела в кратковременном, но ежегодном выезде за границу» [5. Оп. 2. Д. 564. Л. 70].

В 1929 г. один из разработчиков плана ГОЭЛРО, известный электротехник М.Я. Лапиров-Скобло, писал о важности посещения научных учреждений других стран и знакомства с организацией в них научной работы. Он подчеркивал необходимость длительных командировок для молодых ученых [6. С. 9–17]. Гораздо менее воодушевленно о зарубежных поездках высказывался врач В.М. Броннер, считая, в первую очередь, внутренние командировки важным инструментом борьбы «с шовинизмом научной школы», воспитавшей аспиранта. Заграничные командировки, по его мнению, являлись желательными в отдельных случаях, лишь как добавочный элемент аспирантской подготовки [7. С. 10–18]. Подобные рассуждения, с одной стороны, отражали то, как менялись взгляды на вопрос о командировках как составляющей международного научного

сотрудничества, с другой – влияли на ход дискуссии и принимаемые решения.

Законодательная база организации научных выездов за границу начала формироваться с середины 1920-х гг. В конце 1924 г. СНК РСФСР выпустил «Положение о Комиссии по научным заграничным командировкам» (до этого времени комиссия существовала при Особом временном комитете науки и через нее проходили только те командировки, на которые испрашивались государственные субсидии) [8. Оп. 19. Д. 229. Л. 1–1 об.]. Задачи комиссии заключались в рассмотрении ходатайств о командировках за границу, выдаче удостоверений о командировании, определении размеров финансирования командировок, наконец, в утверждении отчетов учреждений о результатах научных поездок их сотрудников [Там же. Оп. 1. Д. 2784. Л. 3, 7–8, 29–30].

В конце декабря 1925 г. вышло Постановление СНК РСФСР «О поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения», основная идея которого заключалась в осознании необходимости всесторонней работы по повышению уровня подготовки молодых ученых. В ряду предлагаемых мер авторы постановления указывали значимость научного обмена между вузами и научно-исследовательскими институтами, столичными и провинциальными учебными заведениями, а также маркировали важность «*правильной* (курсив мой. – Н.Г.) организации командировок научных работников за границу для усовершенствования» [9]. Выход постановления симптоматично совпал с внедрением практики планирования заграничных научных командировок.

Регулярно с осени 1926 г. выходило постановление по Главнауке «О порядке получения научных командировок за границу» [10. Оп. 2. Д. 50. Л. 9–10; Д. 79. Л. 2–2 об.], в котором «правильный» подход к их организации выражался в указании, что заграничные командировки предоставляются лишь в исключительных случаях. Напомню, что и дореволюционное Министерство народного просвещения считало, что выезды за границу должны носить ограниченный характер. Они необходимы для будущих профессоров основных кафедр и только при условии, что их научно-образовательная подготовка в России исчерпала себя. Важно подчеркнуть, что в 1920-е гг. ограничения носили не только идейный характер, но и часто были связаны с нехваткой финансирования. К примеру, еще в 1920 г. в Казанском университете обсуждался вопрос о заграничной командировке преподавателя иностранного языка. Совет университета отложил этот вопрос и рекомендовал факультетам «обсудить вообще вопрос о желательности и необходимости в настоящее время длительных командировок как за границу, так и внутри России» [11. Оп. 1. Д. 137. Л. 28].

В постановлении Главнауки детально была прописана процедура организации заграничной поездки с ученой целью. Во-первых, в комиссию по научным заграничным командировкам требовалось подать моти-

вированную заявку от учреждения, ходатайствующего о выезде своего сотрудника, и заявление с анкетой от самого претендента на поездку. Шаблоны заявлений и анкеты прилагались. В анкете потенциальный командированный, помимо персональных данных, указывал срок, место командировки и ее цель, обязательно перечислял все предыдущие зарубежные поездки, а к концу 1920-х гг. еще указывал, были ли против него преследования со стороны власти.

Во-вторых, в постановлении предлагались варианты финансового обеспечения заграничного выезда. Основным источником являлись средства Наркомпроса, но командированный мог заявить поездку за личный счет. Количество поездок даже без государственного финансирования было ограничено. Учреждениям предлагалось не заявлять больше 3–4 командировок, однако и такое нормирование не гарантировало полного удовлетворения заявок, а давало «лишь комиссии возможность произвести наиболее безошибочный отбор». В подтверждение этого пункта приведем следующие данные: в 1926 г. из 40 заявлений сотрудников РАНИОН на заграничные командировки изначально было поддержано 7, потом еще 4. Всего по субсидии Наркомпроса за границу были отправлены 4 человека [10. Оп. 2. Д. 50. Л. 5, 7–8].

В целом учебные заведения придерживались обозначенных квот. Так, институты РАНИОН в 1928 г. ходатайствовали о выделении следующего количества командировок: Институт истории, Институт советского права, Институт философии, Институт языка и истории литературы – по 3; Институт экспериментальной психологии и ГАИМК – по 1. Лишь Институт народов Востока и Институт археологии и искусствознания заявили по 5 поездок для своих сотрудников. При этом в обозначенное количество прошений входили командировки за счет государственных субсидий и за счет личных средств. К примеру, Институт истории ходатайствовал о предоставлении командировок двум действительным членам И.Л. Попову-Ленскому и А.И. Яковлеву за средства Наркомпроса, научный сотрудник 1-го разряда В.В. Терешкович предполагала поехать в Германию на 4–5 месяцев без государственной субсидии [Там же. Л. 69а об.–69в].

К этому времени определяется, что выдаваемые субсидии не должны покрывать всех расходов командированного, т.е. софинансирование с помощью личных сбережений предполагалось и при выезде за границу с государственной поддержкой [5. Оп. 19. Д. 18. Л. 75].

Наконец, в-третьих, подчеркивался приоритет командировок для молодых ученых и аспирантов, выезжающих впервые и нуждающихся в поездке за границу «в целях личного научного усовершенствования». Уже в 1925 г. Комиссия определяет, что командировки выдаются «для ведения или окончания научных работ и для усовершенствования по специальностям, а отнюдь не для поездок с целью ознакомления с состоянием той или иной области наук за границей» [Там же. Л. 75 об.].

Основной вывод Комиссии состоял в том, что необходимо значительно увеличить командировки для молодых исследователей. Хотя курс на поддержку научной молодежи проводился недостаточно планомерно. В 1926 г. удалось достичь паритета между выездами молодых ученых и профессоров (43 и 42 соответственно), но в 1927–1929 гг. командировки молодых исследователей составляли лишь треть от общего количества зарубежных научных поездок. К примеру, в 1927/28 учебном году было осуществлено 122 поездки статусными учеными и только 29 командировок – научной молодежью [5. Оп. 19. Д. 75. Л. 1]. Заявленная цель первоочередной поддержки научного усовершенствования начинающих ученых была достигнута лишь к 1931 г. (93 командировки аспирантов и ассистентов против 62 поездок доцентов, профессоров и руководящих научных работников) [Там же. Д. 77. Л. 9].

К организации научных поездок, помимо Наркомпроса, подключались и другие институты. Поездки осуществлялись при участии административного и иностранного отделов при исполнительных органах власти, которые выдавали заграничные паспорта и разрешения на выезд [12–14], а также валютного отдела, отвечавшего за выдачу валютных средств. Система взаимоотношений между этими организациями была выстроена слабо, частые задержки с выдачей паспортов и валюты приводили к срывам уже разрешенных командировок. Организационную и информационную помощь при организации коллективных выездов на международные конгрессы или научные экскурсии оказывало Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). Во второй половине 1920-х гг. в вопросе об организации заграничных командировок по линии Наркомпроса появляется тема пропаганды достижений советского общества, в частности «идей советской педагогики и ознакомления заграницы с достижениями и состоянием просвещенческого строительства РСФСР» [15. Оп. 1. Д. 79. Л. 49]. Реализация этой цели также предполагалась в ходе научных командировок и при содействии ВОКС.

Документальный комплекс, регулирующий организацию заграничных научных командировок, в котором отразились постепенные изменения государственного курса, свидетельствует о корректировках в определении целей научных поездок. В заявлениях начала 1920-х гг. в качестве основных целей ученые указывали намерение продолжить научные изыскания в архивах и библиотеках для продолжения прерванных исследовательских работ, стремление к восстановлению научных контактов с европейским академическим миром, а также желание ознакомиться с уровнем преподавания тех или иных дисциплин в мировых центрах науки. В ряде случаев испрашивалось разрешение на выезд для ведения занятий по приглашению иностранного университета либо присоединения к зарубежным коллегам для проведения какого-либо исследования. С 1925 г. на желание ознакомиться с уровнем преподавания за границей

в качестве цели научной командировки был наложен негласный запрет, который с 1926 г. был закреплен законодательно. К концу 1920-х гг., наоборот, начались разговоры о необходимости выделять отдельные командировки для изучения устройства подготовки научных кадров за границей, а также включать в отчеты информацию о состоянии преподавания учебных дисциплин [5. Оп. 19. Д. 75. Л. 1 об.].

В итоговых отчетах о результатах поездок на протяжении всего периода 1920-х гг. темы общественно-политической ситуации в посещаемых странах, международного сотрудничества и знакомства с системой преподавания за границей не только не исчезли, но зачастую занимали центральное место. Историк Е.В. Тарле, вернувшийся из Франции в 1924 г., помимо перечисления проведенных исследовательских мероприятий, описания завершенной монографии, указывал на ознакомление с организацией науки и постановкой архивного дела на Западе. «Общее впечатление – несколько замедленный, сравнительно с довоенным временем, темп научной работы во Франции. Строго научных исследований появляется в области истории несравненно меньше, чем прежде. Объясняется это ухудшением в материальном положении французской профессуры, дороговизною печатного дела, наконец, страшными личными потерями, нанесенными ученым лицам Франции в годы войны (есть университеты, где были перебиты или искалечены до 90% всех оставленных при университете молодых ученых)».

Тарле отмечал усилия французских ученых по переосмыслению событий недавнего прошлого: в университетах ведутся курсы по новейшей истории (дипломатическая история войны 1914 г., финансы в годы войны), создана специальная «Библиотека войны 1914 г.», где имелся и русский отдел. Историк подчеркивал «в высшей степени теперь предупредительное и любезное» отношение ко всем приезжающим из советской России, особенно со стороны левого крыла французской историографии [5. Оп. 2. Д. 564. Л. 69, 69 об.].

Филолог Г.Г. Дингес, командированный в Берлин и Марбург в 1924 г., также указывал на то, что «лингвистическая наука в Германии, как и в других странах, сейчас переживает большой кризис» [Там же. Л. 87–87 об.]. Специалист по восточным древностям А.А. Фрейман в 1922 г. отчитывался, что находится в «непосредственном живом общении с германскими востоковедами» [Там же. Д. 567. Л. 85–85 об.]. О постоянных деловых беседах с немецкими профессорами и обмене с ними «речами о взаимной важности укрепления вековой связи между течениями научной мысли в Германии и России» указывал в отчете историк С.Ф. Платонов, командированный в Берлин и Лейпциг в 1924 г. [Там же. Д. 564. Л. 78]. Профессор-медик Казанского университета В.С. Груздев, посетивший в 1927 г. Германию и Чехословакию, отмечал радушный прием со стороны зарубежных коллег и возможность подробно познакомиться с постановкой дела радиоте-

рапии злокачественных новообразований в лучших европейских клиниках [11. Оп. 1. Д. 120. Л. 77].

В ряде отчетов фактически поднималась тема начинающегося изоляционизма советской науки, отсутствия должного обсуждения результатов проводимых в стране исследований с коллегами из-за рубежа. Профессор В.Н. Терновский в 1927 г. был отправлен в командировку в Германию, Голландию, Австрию и Францию. В ходе нее он принял участие в VI Интернациональном конгрессе по истории медицины в Лейдене и Амстердаме. Отчитываясь, он сокрушался: «...на этом съезде, необычайно оживленном и многолюдном, я был единственным русским, представителем нашего Союза» [11. Оп. 1. Д. 120. Л. 79].

Сложность получения командировки ученому из провинциального вуза внесла в научные отчеты дополнительный стихийно появившийся пункт – благодарности *alma mater* и местным властям. Казанский математик Н.И. Парфентьев, на 3 месяца в 1928 г. выезжавший в Германию и Францию, завершал отчет словами: «В заключении считаю своим приятным долгом выразить благодарность и Казанскому Университету в лице физико-математического факультета, и Правлению его, и НКП, за данную мне возможность провести истекшее лето в заграничных центрах Западной Европы» [Там же. Д. 137. Л. 28].

В ряде случаев отчеты признавались неудовлетворительными. Именно таковой была признана поездка историка Н.М. Лукина в 1927 г.: «Тов. Лукину не получилось работать в архивах. Ездил он читать печатные материалы и журнальные статьи» [10. Оп. 2. Д. 79. Л. 94–95].

К концу 1920-х гг. усиливается контроль за поездками за границу. В докладной записке Комиссии по обследованию состояния заграничных командировок (1929 г.) отмечалось, что «раньше смотрели на заграничные командировки как на устройство своего личного научного положения», ездили в них, чтобы «подышать западно-европейским воздухом». В государственной риторике и комментариях ярых проводников новой линии появились мотивы борьбы с научно-образовательным туризмом, усилением отбора претендентов, чтобы не допустить за границу «чуждых элементов». К примеру, авторы доклада указывали на недостаточную поддержку командировок молодежи, которая «самая надежная в политическом отношении». Симптоматично, что в докладе пофамильно упоминались исследователи, «недостойные» посещения заграничных: профессора и доценты мехмата 1 МГУ С.П. Фиников, Д.Ф. Егоров, Н.А. Глаголев, В.А. Костицын [5. Оп. 19. Д. 77. Л. 10, 11, 12]. Обстоятельства попадания в этот список были различными. Тут и член-корреспондент АН СССР профессор Д.Ф. Егоров, против которого в 1929 г. была развернута кампания, связанная с его религиозными взглядами; и профессор В.А. Костицын, выехавший в 1928 г. в командировку во Францию и не вернувшийся после получения сообщения о проверке Главнаукой совместно с ГПУ обстоятельств и порядка его выезда, а также его «политического поведения».

Пристальному регулированию подвергались вопросы участия советских ученых в международных научных мероприятиях. Отсутствие «достаточных политических гарантий» становилось поводом отказаться от участия в ряде из них. К примеру, в 1924 г. на закрытом заседании НКП было принято решение отказаться от участия в международном съезде историков в Германии (конгресс об обсуждении задач преподавания истории в международном разрезе) [15. Оп. 1а. Д. 24. Л. 66, 67]. Примерно то же произошло в июне 1927 г. с конференцией историков Восточной Европы в Варшаве. Отправленный на нее профессор ЛГУ, действительный член ГАИМК Б.Л. Богаевский был экстренно отозван с конференции. В телеграмме говорилось: «Ввиду выяснившегося характера конференции, а также отрицательного отношения к идеологическому направлению ее работ и ввиду участия в ней русских эмигрантов ГАИМК не считает возможным Ваше дальнейшее участие в конференции историков и предлагает немедленно выехать в Ленинград, о чем заявите Президиуму конференции» [16. Оп. 1. 1927. Д. 71. Л. 22]. Данная телеграмма расшифровывала телеграмму-молнию с запретом на участие, поступившую из Наркомпроса за подписью заместителя наркома И.И. Ходоровского [Там же. Л. 20]. На самом высоком уровне формировался список участников, приглашаемых на историческую неделю в Берлин в 1928 г. Симптоматично, что сначала отбирали претендентов по идеологическому принципу (в этот момент из списка «выпал» Н.И. Кареев), а потом по их научной специальности [15. Оп. 1а. Д. 107. Л. 94].

В этот период нередкими становятся задержки с выдачей проездных документов, происходившие в результате дополнительных проверок претендентов на командировку, даже уже после одобрения командировки комиссией при Наркомпросе и резервированием денежных сумм. Показателен случай с уже упомянутым историком Б.Л. Богаевским. После экстренного возвращения с Варшавской конференции он продолжил подготовку к поездке в Польшу, Австрию и Германию, поддержанной Наркомпросом еще в мае 1927 г. Его принадлежность к «правильным» ученым способствовала получению положительного решения на командирование, но не избавляла от проверки на лояльность. Это вызвало задержку выдачи загранпаспорта и поставило всю поездку под угрозу. Имела место и несогласованность в действиях органов, осуществляющих выдачу заграничного паспорта и валюты. Но главная причина задержки, по всей видимости, крылась в проверке его отчета по итогам командировки на съезд историков в Варшаву. Во-первых, направленные телеграммы, запрещающие участие в форуме, были получены Б.Л. Богаевским с опозданием, и он был включен в Президиум конференции, хотя фактического участия в его работе не принимал. Во-вторых, в отчете он выразил непонимание, почему ему не доверили принять участие в конференции.

Он писал: «Считаю долгом заметить, что я сожалел о том, что был вынужден уклониться от участия в работах конференции по следующим основаниям: 1) Идеологически я в течение уже 20 лет провожу и в печатных своих трудах и в моей преподавательской деятельности материалистические взгляды, которые стремлюсь оформить марксистски. 2) Общий доклад мой был построен марксистски и должен был быть единственным материалистическим на конференции. 3) Работа в организационной Комиссии была бы критической и проводила бы материалистические взгляды и в то же время указывала бы на новые достижения в науке. Таким образом, в моих выступлениях я не создавал бы объединенного фронта с учеными-эмигрантами и наоборот, разрывал бы его и, выступая на Конференции с новыми достижениями науки в СССР, я в то же время заявлял бы о ценности материалистического понимания исторических фактов» [16. Оп. 1. 1927. Д. 71. Л. 32]. Положительно решить вопрос удалось только через прямые обращения самого Богачевского и его руководителя Н.Я. Марра к представителям власти – В.П. Яковлевой и А.В. Луначарскому [Там же. 1927. Д. 4. Л. 106, 118, 121–123, 126–127, 134, 142, 148].

Опираясь на архивные данные, включающие широкий спектр документов, начиная с заявок-анкет претендентов и заканчивая отчетами по возвращению из научной поездки, попытаемся выделить основные типы научных командировок, существовавших на протяжении 1920-х гг.

Командировка = эмиграция. В начале 1920-х гг. неоднократно принимались положительные решения о командировании за рубеж за личные средства ученых, которые теряли доверие власти. Возможность пересидеть сложные времена в другой стране нередко выливалась в окончательную эмиграцию. В начале 1920-х гг. решение о невозврате в Советскую Россию приняли некоторые ученые, командированные за границу до октябрьского переворота. К примеру, историк Е.Ф. Шмурло, находящийся в 1917 г. в Италии, принял решение не возвращаться на родину.

Достаточно массовыми выезды за рубеж под видом заграничных командировок были в период Гражданской войны, особенно из вузов, оказавшихся на территориях, контролируемых белыми правительствами. Так, в 1919–1920 гг. накануне и после занятия большевиками Одессы заграничные командировки были одобрены для 31 представителя вузовского сообщества, многие ученые выезжали за границу с семьями и в Россию уже не вернулись [17. С. 417]. Массовые отъезды облегчал тот факт, что решение о командировании принимали непосредственно советы вузов, что стало возможным в результате неожиданного обретения вузами автономии, так как политика несоветских правительств в их отношении была стихийной и случайной.

Иначе обстояло дело с учеными, работавшими в советских научно-образовательных институтах: приня-

тие решения об их командировании осуществлялось только после прохождения всех инстанций, в том числе соответствующей Комиссии при Наркомпросе. В июне 1921 г. была одобрена заграничная поездка на 3 месяца в Италию для «производства научных исследований» ректору Пермского университета Н.П. Оттокару, из которой он также не вернулся в Россию [5. Оп. 2. Д. 553. Л. 66, 67, 68], хотя еще в 1924 г. продолжал числиться в штате Пермского университета [18. С. 254]. По схожему сценарию организовывалась научная командировка профессора Петроградского университета Б.Б. Беккера, которой удалось добиться не без протекции со стороны партийных коллег. Патроном стал историк-большевик В.А. Быстрянский, обратившийся лично к М.Н. Покровскому, с характеристикой Беккера как марксиста, который «вполне доброжелательно относится к советской власти и стоит на почве диктатуры пролетариата» [5. Оп. 2. Д. 551. Л. 221, 222]. В августе 1922 г. Беккер выехал в Голландию, где и остался преподавать в Амстердамском университете. В октябре 1924 г. было принято решение об его увольнении из Ленинградского университета [19. С. 337]. В июне 1922 г. были одобрены годовые командировки в США для изучения американской социологии и участия в социологическом конгрессе П.А. Сорокину и его жене биологу Е.П. Баратынской [5. Оп. 2. Д. 567. Л. 313, 314, 315, 410], которым было не суждено состояться. П.А. Сорокин попал в орбиту начавшегося в сентябре 1922 г. процесса над правыми эсерами. Чтобы избежать ареста, он дал подписку покинуть Россию в 10-дневный срок без права возвращения [20. С. 257–258]. В 1923–1924 гг. была поддержана командировка в Ригу Р.Ю. Виппера, отъезд в которую позволил решить вопрос с потерей им работы в Московском университете [5. Оп. 2. Д. 558. Л. 50 об.]. В Латвии он прожил потом около 20 лет и вернулся в СССР в 1940 г. после получения гарантий в возможности заниматься научной и педагогической работой [21. С. 82]. Известный византист А.А. Васильев в 1925 г. выехал в заграничную командировку сначала в Берлин, потом в Париж и далее в США. 2 июня 1925 г. решением общего собрания его исключают из АН СССР. После того, как 1 июля 1928 г. было признано окончательным сроком его командировки, он принял решение не возвращаться [5. Оп. 19. Д. 18. Л. 64; 16. Оп. 1. 1927. Д. 4. Л. 117].

Командировка = продолжение научной работы. Как только в обществе стихло напряжение, вызванное гражданским противостоянием 1917–1920 гг., и началась нормализация научной жизни, возобновились планы исследований, в том числе основанные на материалах иностранных архивов и библиотек. Практика научных командировок восстанавливается достаточно быстро, особенно в среде исследователей, чьи научные интересы были непосредственно связаны с иностранными научными и образовательными центрами. При этом в начале 1920-х гг. они пытались организовывать зарубежные выезды по опыту дореволюционной си-

стемы научного командирования. Так, запрашивались разрешения на длительные поездки, нацеленные на размеренную работу в архивах, библиотеках и лабораториях, общение с коллегами, возможность передвигаться из одного европейского научного центра в другой. При этом даже когда поддержанные командировки сокращались до 2–3 месяцев, что происходило в силу недостаточного финансового обеспечения научных выездов или из опасения невозвращения командированного, ученые рассчитывали на возможность продления срока пребывания за границей, как это практиковалось в дореволюционное время. К примеру, профессор-врач С.В. Констансов, командированный в Германию в 1921 г. на один год, получил право выезда и субсидию только на три месяца. Он писал: «Трех месяцев для научной работы, конечно, совершенно недостаточно и, выезжая за границу, я был уверен, что мне будет продлен срок командировки до года» [8. Оп. 107. Д. 2258. Л. 3–3 об., 6]. Ознакомившись с ходатайством, Комиссия отказала ему в дальнейшей субсидии.

Историки-всеобщники составили ту субкультуру ученых, которая наиболее активно стремилась к восстановлению возможности работать с иностранными источниками. Они массово начали подавать заявления на выезд за границу для продолжения научной работы как за счет государственной субсидии, так и за личные средства. Ярким примером может служить эпопея с организацией командировки историка А.Н. Савина. Заявление с приложенной к нему сметой он подал в Комиссию в августе 1921 г. Маститый исследователь подошел к обоснованию необходимости научной командировки со всей основательностью. Будучи специалистом по истории Англии, он хотел завершить сбор архивного материала по вопросу обезземеливания английских крестьян и огораживания, а также возобновить научные связи с английскими коллегами, ознакомиться с «ходом исторического исследования и университетского преподавания истории в англосаксонском мире». Второй целью Савина было посещение Берлина для сбора материалов по истории русско-немецких отношений в XIX в. Командировка была поддержана, Савин получил мандат на выезд и заграничный паспорт [5. Оп. 2. Д. 553. Л. 77–81]. Однако случившаяся задержка с получением английской визы привела к тому, что ученый просрочил получение денежных средств на поездку и разрешительную процедуру во многом пришлось проходить заново [Там же. Д. 563. Л. 145, 146]. Все же Савину удалось выехать в научную командировку, во время которой он скончался.

Вряд ли хлопоты по организации выездов за границу с научной целью можно рассматривать сквозь призму политических объяснений, как демонстрацию намерения сотрудничать с советской властью, играть по новым правилам. Скорее мотивы ученых лежали в чисто исследовательской плоскости. Многие из тех, кто стремился выехать за рубеж в 1920-е гг., посещали Европу до революции, они ощущали себя частью интер-

национального мира «большой науки», потому стремились как можно быстрее восстановить практику заграничных поездок, чему способствовал их собственный предыдущий опыт.

Командировка = выражение доверия. В 1920-е гг. кредит доверия со стороны власти к ученым, большую часть которых составляли так называемые «старые» профессора, сохранялся, но значительно варьировался. Ряд исследователей, нашедших способы заручиться поддержкой власть имущих, составил своеобразный пул научных работников, которые могли рассчитывать на регулярные заграничные командировки. Таким «штатным» командированным, к примеру, являлся историк Е.В. Тарле. Он выезжал за границу не менее 5 раз: в 1921 г. на 3 месяца в Англию [5. Оп. 2. Д. 553. Л. 206, 208, 209]; в 1924 г. на 3 месяца во Францию с субсидией [Там же. Д. 564. Л. 219]; в 1925 г. на 3 месяца во Францию с субсидией в 600 руб. [Там же. Оп. 19. Д. 18. Л. 21 об.]; в 1926 г. на 3 месяца во Францию с субсидией 500 руб. [Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 28об]; в 1927 г. на 3 месяца во Францию с субсидией 500 руб. [Там же. Д. 26. Л. 31]. Кроме того, ему удавалось выезжать с супругой, которая проходила в качестве его секретаря.

На особом счету были ученые, выполнявшие особо важные по государственным меркам научные проекты. К примеру, возможность выезжать в Европу имел директор Оптического института Д.С. Рождественский. Мало того, это право распространялось на его жену историка-медиевиста О.А. Добиаш-Рождественскую.

Командировка = возобновление международного сотрудничества. Советскому государству, на протяжении 1920-х гг. находящемуся в разной степени изоляции, необходимо было налаживание международных контактов, в том числе и по научной линии. Эта функция была возложена на профессуру, еще до революции снискавшую известность за границей. Многие ученые, которые получали отказы в выезде в долгосрочные командировки с сугубо научно-исследовательскими целями, командировались на короткое время по делам возглавляемых научных учреждений. Так, в 1921 г. в Финляндию по вопросам обмена научными изданиями и снабжения ученых дровами и предметами первой необходимости выезжал представитель Петроградской комиссии по улучшению быта ученых С.Ф. Ольденбург [Там же. Д. 553. Л. 191, 193]; по делам Академии наук побывал в июле 1924 г. в Германии С.Ф. Платонов [Там же. Д. 564. Л. 77, 78]; от библиотеки им. В.И. Ленина в 1928 г. в Норвегию, Швецию, Данию, Голландию, Германию, Австрию и Швейцарию выезжал заместитель директора Д.Н. Егоров [15. Оп. 1. Д. 95. Л. 29].

Соглашусь с Р.Р. Бакеевой, утверждающей, что на определенном этапе государство охотней финансировало представительские поездки ученых с мировым именем, нежели «рабочие» поездки в клиники, лаборатории, архивы [22]. Ученые с именем, известные на Западе, становились участниками международных научных мероприятий – конгрессов, конференций, фо-

румов. Хотя состав делегаций был комплексным: помимо статусных ученых, обладающих признанным научным капиталом, в них обязательно входили идеологически выдержанные исследователи.

Командировка = подготовка научных кадров. Командировки молодых ученых, рассматриваемые как важная часть научной подготовки, набирают обороты со второй половины 1920-х гг. в связи с формированием института аспирантуры. В их организации просматриваются параллели с дореволюционными стажировками оставленных для подготовки к профессорскому званию, получавшими заграничную командировку для подготовки к магистерским экзаменам либо для сбора диссертационного материала. Разница заключалась в сроках командирования, которые были несравненно короче, но сопоставимы со средней продолжительностью командировки советского ученого в 1920-е гг. – 2–3 месяца.

В 1920-е гг. для научной молодежи формируется практика организованных коллективных выездов, напоминающих дореволюционные научные экскурсии. В 1923 г. поездка в Германию на 3 месяца была организована для слушателей Института красной профессуры – историков С.М. Дубровского, А.М. Панкратовой, Б.Б. Граве, экономистов Д.П. Розита и В.Е. Мотылева [5. Оп. 2. Д. 573. Л. 25]. В 1928 г. Президиум РАНИОН организовал двухмесячную научную экскурсию во Францию и Германию для сбора материалов к научным диссертациям для группы аспирантов из 9 человек [10. Оп. 2. Д. 79. Л. 77]. Молодые исследователи проходили общепринятые этапы оформления заграничной командировки. Однако в их случаях чаще практиковались ходатайства научных руководителей и протекции видных государственных деятелей, в которых подчеркивался коммунистический облик претендента.

За сменой форм государственного управления и трансформацией политического режима закономерно следует пересмотр административных соглашений, правил игры, что может выразиться в радикальном реформировании той или иной сферы либо в менее трав-

мирующей ассимиляции опыта взаимодействия, сложившегося на предыдущем историческом этапе. Заграничные научные командировки оказались в сфере внимания советских реформаторов, проводивших в жизнь новый образовательный проект, поэтому практики их организации на протяжении 1920-х гг. все более бюрократизировались и в них явно росла идеологическая составляющая. С другой стороны, само международное сотрудничество признавалось необходимым элементом развития науки, важным и для продолжения научных исследований, и для презентации советских достижений.

На протяжении исследуемого десятилетия восприятие заграничной научной поездки претерпело значительные изменения. Изначально понимаемая как нормальная и необходимая часть карьеры ученого, важная и для завершения его профессионального становления, и для поддержания дальнейшего научного тонуса, заграничная командировка становится экстраординарным событием, выражением доверия и лояльности по отношению к ученому со стороны государства. Идеологическая сторона таких поездок к концу десятилетия явно доминирует над собственно научным содержанием. В результате отсекается опыт дореволюционных поездок за границу, в которых видятся лишь развлекательный характер и желание проветриться и подышать европейским воздухом. Заграничные командировки наполняются новой сущностью: теперь это хорошо спланированные, информационно и коммуникативно перенасыщенные в силу кратковременности, идеологически выверенные, утилитарно направленные поездки. Поправки на артикулированные в документах и выступлениях новые цели заграничных командировок осуществляются в заявительной документации претендентов на поездки. При этом за скупыми обязательными строками анкет-заявлений и формализованных отчетов нередко скрывается стремление ученых к воспроизводству привычных практик профессионального общения и размеренного ритма научной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 849–887.
2. Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
3. Иванов А.Е. Высшая школа в России начала XX века. М. : Высш. шк., 1991.
4. Дмитриев А.Н. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / науч. ред.: М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 65–76.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 2307.
6. Лапиров-Скобло М.Я. Проблема научных кадров // Научный работник. 1929. № 11.
7. Броннер В.М. К вопросу о подготовке аспирантов // Научный работник. 1929. № 12.
8. ГАРФ. Ф. 2306.
9. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 1. ст. 6.
10. ГАРФ. Ф. 4655.
11. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1337.
12. Постановление Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР от 08 июня 1920 года «О заграничных паспортах (правила)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18075#0>, свободный (дата обращения: 25.02.2017).
13. Декрет СНК РСФСР от 16 сентября 1921 года «Об оплате заграничных паспортов». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17966#0>, свободный (дата обращения: 25.02.2017).

14. Постановление СНК СССР от 6 апреля 1926 года «О сборах, взимаемых органами НКВД за выдачу общегражданских заграничных паспортов, разрешений и виз на въезд в Союз ССР и выезд из Союза ССР и видов на жительство для иностранцев» // Собрание законов СССР. 1926. № 51. Ст. 366.
15. ГАРФ. Ф. 5283.
16. Научный архив Института истории материальной культуры. Ф. 2.
17. Еремеева А.Н. Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М. : Новое лит. обозрение, 2012.
18. Клюев А.И. Из истории одной книги: Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34.
19. Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2008. Т. 1 (1889–1922).
20. Долгова Е.А. «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы : сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2016.
21. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016.
22. Бакеева Р.Р. Государственная политика в области международного научного сотрудничества ученых Казанского университета 1917–1939 гг. (по архивным материалам) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

Grishina Natalya V. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: natalyagrishina@mail.ru

“...THE OPPORTUNITY OF TRAVELING AND BREATHING THE AIR OF WESTERN EUROPE”: THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE ACADEMIC COMMUNITY AND THE AUTHORITIES IN RESPECT OF INTERNATIONAL TRIPS DURING THE 1920ES.

Keywords: international academic trips; international cooperation; science policies; academic mobility.

The research is aimed at evaluating the importance of international academic trips for scientific and educational policies of Soviet Union in the 1920es and assessing the role of the scientists in its establishment. The article is based on a wide range of unpublished sources, mainly the documents of management and record-keeping, such as minutes, application forms and trip reports, stored at central and regional archives. The article attempts to reconstruct the establishment of the legislation, controlling the international trips during the 1920es. The main focus is on the alignment of the laws, the changes in which are the results of the cooperation between the academic community and the authorities. The year of 1926 is somewhat of a milestone in respect of the legislative control of international trips. Since then, these trips become planned and the amount of trips paid for by researchers themselves is going down due to the rising fees for visas and international passports. The trips aimed at the development of more politically reliable young scientists gain top priority. The issue of gradual changes in the goals of academic trips receives special attention of the author. They are evident in the application forms from the traveling researchers and they reflect the shift in the attitude of the officials to this kind of trips. However, the reports concerning the results of the trips show smaller pressure from the authorities. Despite the introduction of a strict form of the reports, the authors used quite liberal digressions, speculating on the level of European science, the attitude of foreign colleagues towards the Soviet researchers, the incipient isolationism of Soviet science. The corpus of documents allowed to trace the establishment of the system of governmental control over the international trips, which materialized in the work of special commissions and the selection of candidates for the trips, especially the trips to international conventions and forums. The analysis of personal traveling experience of several dozens of researchers allowed to define the main types of international trips: 1) academic trips leading to emigration; 2) trips to continue pre-revolution researches; 3) regular trips abroad as a sign of trust; 4) high status trips to re-establish scientific cooperation; 5) trips as a stage in the education of researchers. International academic trips were integrated into the process of restructuring science and the system of higher education started in 1917. Their status in this process was ambiguous. On the one hand, international cooperation was seen as an important element in the establishment of Soviet science and education; on the other hand, international trips were seen as a powerful tool of ideological influence and promoting the “Soviet”. By the end of the 1920es, international trips obtain new qualities: they become well-planned, ideologically precise and practical.

REFERENCES

1. Sveshnikov, A.V. (2012) Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Government policy related to foreign trips of Russian scientists in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Ivanov, K. & Dmitriev, A. (eds) *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [The Schedule of Changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – the USSR (the late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 849–887.
2. Trokhimovskiy, A.Yu. (2007) *Zagranichnye komandirovki uchenykh Moskovskogo universiteta v 1856–1881 gg.* [Foreign trips of Moscow University scientists in 1856–1881]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola v Rossii nachala XX veka* [Higher School in Russia in the early 20th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Dmitriev, A.N. (2012) *Zagranichnaya podgotovka budushchikh rossiyskikh professorov nakanune Pervoy mirovoy voyny* [Foreign training of future Russian professors before the First World War]. In: Gribovskiy, M.V. & Fominykh, S.F. (eds) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [The faculty of Russian universities. 1884–1917: Research and documents]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 65–76.
5. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 2307.
6. Lapirovo-Skoblo, M.Ya. (1929) Problema nauchnykh kadrov [The problem of academic staff]. *Nauchnyy rabotnik*. 11.
7. Bronner, V.M. (1929) K voprosu o podgotovke aspirantov [On the preparation of postgraduate students]. *Nauchnyy rabotnik*. 12.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 2306.
9. Soviet Union. (1926) *Sobranie zakonov RSFSR – Collection of Legal Acts of the RSFSR*. 1. Art. 6.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 4655.
11. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 1337.
12. People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR. (1920) *Postanovlenie Narodnogo komissariata po inostrannym delam RSFSR ot 08 iyunya 1920 goda “O zagranichnykh pasportakh (pravila)”* [Decree of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR of June 8, 1920 “On Foreign Passports (regulations)”]. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18075#0>. (Accessed: 25th February 2017).

13. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1921) *Dekret SNK RSFSR ot 16 sentyabrya 1921 goda "Ob oplate zagranichnykh pasportov"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 16, 1921 "On the payment of foreign passports"]. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17966#0>. (Accessed: 25.02.2017).
14. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1926) *Postanovlenie SNK SSSR ot 6 aprelya 1926 goda "O sborakh, vzimaemykh organami NKVD za vydachu obshchegrazhdanskikh zagranichnykh pasportov, razresheniy i viz na v"ezd v Soyuz SSR i vyezd iz Soyuz SSR i vidov na zhitel'stvo dlya inostrantsev"* [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of April 6, 1926 "On the fees levied by the NKVD bodies for issuing general civilian passports, permits and visas for entry to the USSR and departure from the USSR and residence permits for foreigners"]. *Sobranie zakonov SSSR – Collection of Law of the USSR*. 51. Art. 366.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5283.
16. The Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture. Fund 2.
17. Ereemeeva, A.N. (2012) *Obrazovatel'naya i nauchnaya politika v usloviyakh grazhdanskogo protivostoyaniya* [Educational and scientific policy in the context of civil confrontation]. In: Ivanov, K. & Dmitriev, A. (eds) *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [The Schedule of Changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – the USSR (the late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Klyuev, A.I. (2011) *Iz istorii odnoy knigi: N.P. Ottokar i ego kniga "Florentiyskaya kommuna v kontse Dudzhento"* [From the history of one book: N.P. Ottokar and his "Florentine Commune at the End of Dugmento"]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii*. 34.
19. Doykov, Yu. (2008) *Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya* [Pitirim Sorokin. A man out of season. Biography]. Vol. 1. Arkhangelsk: [s.n.].
20. Dolgova, E.A. (2016) "Nachinayu khodataystvo o vyezde za rubezh . . .": o planakh P.A. Sorokina v 1922 g. ["I am launching a petition for going abroad . . .": On P.A. Sorokin's plans in 1922]. In: Tribunskiy, P.A. (ed.) *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: lyudi, trudy, institutsii, arkhivy* [Russian scholars abroad: people, works, institutions, archives]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
21. Tikhonov, V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovet'skaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s – 1953)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Bakeeva, R.R. (2013) *Gosudarstvennaya politika s oblasti mezhdunarodnogo nauchnogo sotrudnichestva uchenykh Kazanskogo universiteta 1917–1939 gg. (po arkhivnym materialam)* [State policy in international scientific cooperation in Kazan University in 1917–1939 (on archives)]. History Cand. Diss. Kazan.